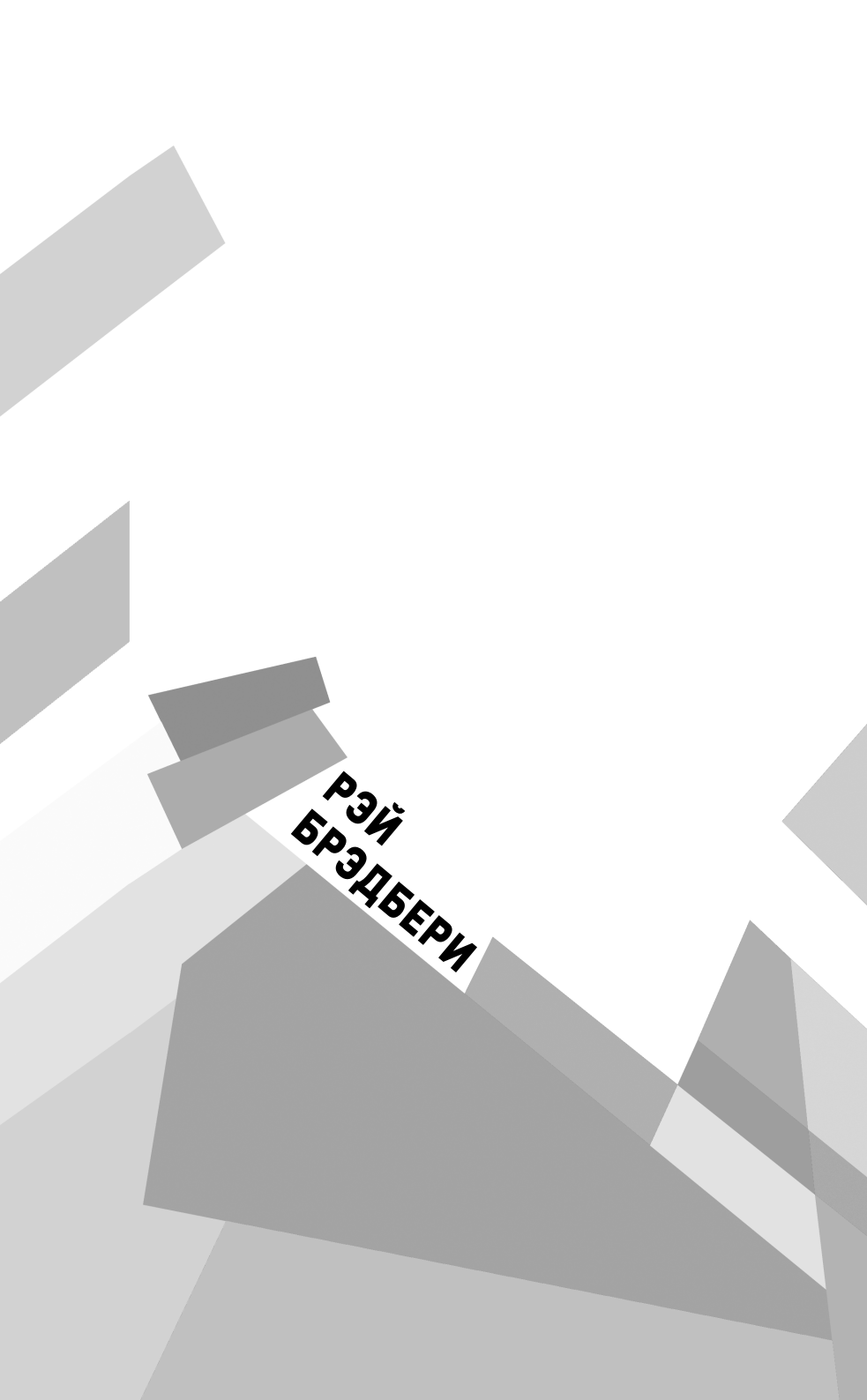

**РЭЙ
БРЭДБЕРИ**

РЭЙ БРЭДБЕРИ

**451°
ПО ФАРЕНГЕЙТУ**

Москва
2021

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
Б89

RAY BRADBURY

FAHRENHEIT 451

© 1951, 1953, 1967 by Ray Bradbury.

Copyright renewed 1979, 1981, 1995 by Ray Bradbury

Перевод с английского *Виталия Бабенко*

Художественное оформление *Pollyficenta (Полины Зубковой)*

Брэдбери, Рэй.

Б89 451° по Фаренгейту / Рэй Брэдбери ; [перевод с английского В. Бабенко]. — Москва : Эксмо, 2021. — 288 с.

ISBN 978-5-04-157292-1

451° по Фаренгейту — температура, при которой воспламеняется и горит бумага. Философская антиутопия Брэдбери рисует беспросветную картину развития постиндустриального общества: это мир будущего, в котором все письменные издания безжалостно уничтожаются специальным отрядом пожарных, а хранение книг преследуется по закону, интерактивное телевидение успешно служит всеобщему обольщению, карательная психиатрия решительно разбирается с редкими инакомыслящими, а на охоту за неисправимыми диссидентами выходит электрический пес...

Роман, принесший своему творцу мировую известность.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Бабенко В.Т.,
перевод на русский язык, 2021
© Издание на русском
языке, оформление. ООО
«Издательство «Эксмо», 2021

ISBN 978-5-04-157292-1

451° по Фаренгейту¹ — температура, при которой книжные страницы воспламеняются и сгорают дотла...

*Эта книга с благодарностью посвящается
Дону Конгдону*

Если тебе дали разлинованную бумагу,
пиши по-своему.

Хуан Рамон Хименес²

¹ 233 °С. (Здесь и далее — прим. перев.)

² Хименес, Хуан Рамон (1881–1958), испанский поэт, лауреат Нобелевской премии (1956).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ДОМАШНИЙ ОЧАГ И САЛАМАНДРА

Жечь было удовольствием.

А особым удовольствием было смотреть, как огонь поедает вещи, наблюдать, как они чернеют и меняются. В кулаках зажат медный наконечник, гигантский питон плюется на мир ядовитым керосином, в висках стучит кровь, и руки кажутся руками поразительного дирижера, управляющего сразу всеми симфониями возжигания и испепеления, чтобы низвергнуть историю и оставить от нее обуглившиеся руины. Шлем с символическим числом 451 крепко сидит на крутом лбу; в глазах оранжевым пламенем полыхает предвкушение того, что сейчас произойдет, он щелкает зажигателем, и весь дом прыгает вверх, пожираемый огнем, который опалает вечернее небо и окрашивает его в красно-желто-черный цвет. Он идет в рое огненных светляков. Больше всего ему сейчас хочется сделать то, чем он любил заниматься в давние времена: ткнуть в огонь

палочку со сладким суфле маршмэллоу, пока книги, хлопая голубиными крыльями страниц, гибнут на крыльце и на газоне перед домом. Пока они в искрящемся вихре взмывают ввысь и уносятся прочь, гонимые черным от пепла ветром.

На лице Монтага играла жесткая ухмылка — она возникает у каждого, кто, опаленный жаром, отшатывается от пламени.

Монтаг знал, что, вернувшись на пожарную станцию, захочет взглянуть в зеркало и подмигнуть себе — комедианту с выкрашенным под негра, словно жженой коркой, лицом. И затем в темноте, уже засыпая, он все еще будет ощущать огненную ухмылку, скованную мускулами щек. Сколько Монтаг себя помнил, она никогда не сходила с его лица.

Он повесил свой черный, с жучьим отливом, шлем и протер его до блеска; затем аккуратно повесил огнеупорную куртку. С наслаждением помылся под душем, после чего, насвистывая, руки в карманах, прошагал по верхнему этажу пожарной станции и бросился в черный провал. В самую последнюю секунду, когда несчастье казалось уже неминуемым, он вытащил руки из карманов, обхватил золотой шест и прервал падение. Его тело с визгом остановилось, каблуки зависли в дюйме от бетонного пола нижнего этажа.

Выйдя со станции, он прошел по ночной улице к метро, сел в бесшумный пневматический поезд, скользивший по хорошо смазанной трубе подземного тоннеля, а затем упругая волна теплого воздуха выдохнула Монтага на кремовые ступеньки эскалатора, поднимавшиеся к поверхности пригорода.

Продолжая насвистывать, он позволил эскалатору вынести себя в неподвижный ночной воздух. Ни о чем особенном не думая, Монтаг зашагал к повороту. Еще не успев к нему приблизиться, он замедлил шаг, словно откуда ни возьмись поднялся вдруг встречный ветер или кто-то окликнул его по имени.

Уже не в первый раз за последние несколько дней, подходя в звездном свете к повороту тротуара, за которым скрывался его дом, Монтаг испытывал это неясное тревожное чувство. Словно за углом, который ему надо было обогнуть, за миг до его появления кто-то побывал. В воздухе, казалось, царила особенная тишина, будто там, впереди, кто-то ждал Монтага, и всего за какое-то мгновение до встречи этот кто-то обращался в бесшумную тень, с тем чтобы пропустить Монтага сквозь себя. Не исключено, что его ноздри улавливали слабый запах духов, а может быть, кожей лица и тыльной стороны ладоней он именно в этом месте ощущал некое потепление воздуха, ибо невидимка одним своим присутствием

мог на пять-шесть градусов поднять температуру окружающей его атмосферы, пусть даже всего на несколько мгновений. Понять, в чем тут дело, было невозможно. Тем не менее, завернув за угол, Монтаг неизменно видел одни лишь белые горящиеся плиты пустынного тротуара, и только однажды ему померещилось, будто чья-то легкая тень, скользя по газону перед одним из домов, исчезла чуть раньше, чем ему удалось взглянуть или подать голос.

Однако сегодня перед поворотом он так замедлил шаг, что почти остановился. В мыслях своих он был уже за углом, поэтому сумел уловить слабый, еле слышный шепот. Чье-то дыхание? Или всего-навсего напряжение воздуха, вызванное присутствием того, кто тихо стоял там, поджидая его?

Монтаг завернул за угол.

По тротуару, залитому лунным светом, ветер гнал осеннюю листву, и со стороны казалось, будто идущая впереди девушка, не совершая никаких движений, плывет над тротуаром, подхваченная этим ветром вместе с листьями. Чуть наклонив голову, она смотрела, как носки ее туфель прорезают кружащуюся листву. В тонком, молочно-белом лице таилась тихая жадность впечатлений, бросавшая на все вокруг свет неутолимого любопытства. Взгляд ее был полон нежного недоумения: черные глаза взирали на мир с такой пытливостью, что от них не

мог ускользнуть даже малейший жест. Белое платье будто шептало что-то. Монтагу показалось, что он слышит, как в такт шагам покачиваются руки; он даже различил почти неуловимый звук — то был светлый трепет девичьего лика, когда она, обернувшись, увидела, что ее и мужчину, застывшего в ожидании посреди дороги, разделяют всего несколько шагов.

В кронах деревьев над их головами раздавался чудесный звук — словно сухой дождь пронизывал листву. Остановившись, девушка шевельнулась, как бы желая податься назад от удивления, но вместо этого принялась внимательно разглядывать Монтага черными сияющими глазами, будто он только что обратился к ней с какими-то особенно проникновенными словами. Между тем он твердо знал, что его губы произнесли всего-навсего обыкновенное приветствие. Затем, увидев, что девушка, словно замороженная, не может оторвать взгляда от рукава его куртки с изображением саламандры и диска с фениксом на груди, он заговорил снова.

— Конечно же, — сказал Монтга, — вы наша новая соседка, не правда ли?

— А вы, надо полагать... — она все же сумела отвести глаза от его профессиональных эмблем, — ...пожарный?

Девушка тут же умолкла.

— Как странно вы это сказали.

— Я бы... я бы догадалась об этом и с закрытыми глазами, — медленно произнесла девушка.

— Что, запах керосина? Моя жена вечно жалуется, — рассмеялся он. — Сколько ни мойся, до конца ни за что не выветрится.

— Да, не выветрится, — сказала она с благоговейным ужасом.

Монтаг чувствовал, как девушка кружит вокруг него, вертя во все стороны, и легонько встряхивает, выворачивая все его карманы, ни разу к ним не прикоснувшись.

— Керосин, — сказал он, чтобы молчание не затягивалось еще больше, — для меня это все равно что духи.

— В самом деле?

— Конечно. Что тут такого?

Она задумалась, прежде чем ответить.

— Не знаю. — Девушка обернулась в сторону домов, к которым вел тротуар. — А можно мне пойти с вами? Меня зовут Кларисса Макклеллан.

— Кларисса. Гай Монтаг. Будем знакомы. Присоединяйтесь ко мне. Так поздно, а вы бродите одна. Что вы здесь делаете, хотел бы я знать? И сколько вам лет?

Они пошли вместе по серебристой от лунного света мостовой, обвеваемые прохладно-теплым воздухом этой ночи, в котором, казалось, реяли тончайшие ароматы свежих абрикосов и земляники. И только оглянув-

шись вокруг, Монтаг понял, что это попросту невозможно: время года было позднее.

А рядом никого, кроме этой девушки, чье лицо в лунном свете белело, как снег, и он знал, что сейчас она обдумывает, как лучше ответить на заданные им вопросы.

— Ну так вот, — начала Кларисса, — мне семнадцать лет, и я сумасшедшая. Мой дядя уверяет, что и то и другое неразрывно связано. И еще он говорит: если тебя спросят, сколько тебе лет, то всегда отвечай, что тебе семнадцать и ты сумасшедшая. А хорошо гулять ночью, правда? Обожаю смотреть на мир, вдыхать его запахи. Иногда я брожу до самого утра, чтобы встретить восход солнца.

Некоторое время они шагали молча. Потом она задумчиво произнесла:

— Вы знаете, я совсем вас не боюсь.

— Почему, собственно, вы должны меня бояться?— удивился он.

— Но многие же боятся. То есть, я хочу сказать, не вас, а вообще пожарных. Ведь вы просто-напросто обыкновенный человек, в конце-то концов...

В ее глазах он увидел себя, висящего в двух сверкающих капельках ясной воды, темного и крохотного, но тем не менее различного во всех мельчайших подробностях, вплоть до складок в уголках рта, словно глаза эти были двумя чудесными кусочками фиолетового янтаря, в которых

он мог застыть и навсегда сохраниться в целости и сохранности. Обращенное сейчас к нему лицо было хрупким молочно-белым кристаллом, из которого исходило мягкое ровное свечение. Оно не имело ничего общего с истеричным электрическим светом, но с чем же тогда его можно было сравнить? Он понял: с мерцанием свечи, странно успокаивающим и удивительно нежным. Когда-то — он был еще ребенком — у них в доме отключили свет, и матери удалось отыскать последнюю свечу; она зажгла ее, и за этот короткий час совершилось поразительное открытие: пространство потеряло всю свою огромность и уютно сомкнулось вокруг них, вокруг матери и сына, преображенных и мечтающих лишь о том, чтобы электричество не загоралось как можно дольше...

Неожиданно Кларисса Макклеллан сказала:

— Можно задать вам вопрос? Вы давно работаете пожарным?

— С тех пор, как мне исполнилось двадцать. Вот уже десять лет.

— А вы хоть раз читали те книги, которые сжигаете?

Он рассмеялся:

— Но это же запрещено законом!

— Да-да, конечно.

— В нашей работе есть свои тонкости.

В понедельник сжигаешь По, во вторник —

Войнич, в четверг — Честертона, сжигаешь их до пепла, потом сжигаешь пепел. Таков наш официальный девиз.

Они прошли еще немного, и девушка спросила:

— А это правда, что когда-то давно пожарные тушили пожары вместо того, чтобы их разжигать?

— Нет. Дома всегда были огнеупорными, можете мне поверить.

— Странно. Я как-то слышала, что было такое время, когда дома загорались из-за всяких несчастных случаев, и приходилось вызывать пожарных, чтобы остановить пламя.

Он рассмеялся.

Девушка бросила на него быстрый взгляд.

— Почему вы смеетесь?

— Не знаю, — снова засмеялся он и тут же осекся. — А что?

— Вы смеетесь, хотя я не говорю ничего смешного, и отвечаете на все мои вопросы мгновенно. Ни разу даже не задумались над тем, что я спрашиваю.

Монтаг остановился.

— А вы и *на самом деле* очень странная, — произнес он, глядя на Клариссу в упор. — У вас что, вообще нет уважения к собеседнику?

— Я не хотела вас обидеть. Все дело, наверное, в том, что я слишком уж люблю приглядываться к людям.